

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Вольная академия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2548695

Аннотация

«Кому только не известно прелестное предание о пушкинском любимом кольце? Об этом талисмানে простосердечно-суеверного гения, об этой памяти тяжелой и неверной любви, о прекрасной реликвии, которая от поэта должна была переходить с рук на руки, временно принадлежа достойнейшему?..»

Александр Иванович Куприн Вольная академия

Кому только не известно прелестное предание о пушкинском любимом кольце? Об этом талисмানে простосердечно-суеверного гения, об этой памяти тяжелой и неверной любви, о прекрасной реликвии, которая от поэта должна была переходить с рук на руки, временно принадлежа достойнейшему?

Пусть эта легенда немного приукрашена, немного исторически неверна, как и всякая легенда, но все-таки некоторые точные данные позволяют ей верить, а народная молва – цвести. Так, например, достоверны записки Даля, присутствовавшего при последних минутах невольника чести. Пушкин сам снял с пальца кольцо и, прося сохранить, передал ему. Конечно, Даль, близко знавший Пушкина, преданный ему душевно, был, наверно, точным исполнителем его воли. Если бы кольцо надлежало возвратить его прежней владелице, надменной одесской красавице, «ласковой волшебнице», то оно бы дошло по назначению, и о нем пропал бы всякий слух. Не могло кольцо также перейти к Жуковскому и Вяземскому. Во-первых, уже потому, что, по тогдашнему ужасному времени, грустная радость хранить подарок, хотя бы и мерт-

вого, но все-таки опального Пушкина равнялась опасности равнодушия двора, потере положения в обществе, и если не мстительному преследованию, то полному тяжкому одиночеству. А во-вторых: и Вяземский и Жуковский были все-таки учителями, покровителями и, пожалуй, даже приемными отцами Пушкина в литературе и, стало быть, его предшественниками, поколением отмирающим, уходящим. Поэтому весьма возможно, что Даль дал на сохранение кольцо Николаю Ивановичу Тургеневу, истинному другу покойного поэта, человеку преданному, смелому в дружбе, широко просвещенному, знатоку и ценителю поэзии. От Н. И. Тургенева оно, естественно, перешло к другому Тургеневу, Ивану Сергеевичу. По крайней мере, мы положительно знаем, что кольцо действительно было у И. С. Тургенева, о чем он, впрочем, неоднократно упоминает в своей переписке.

Но к этому времени уже сама собой создалась в обществе милая сказка о преемственности оригинального дара. Станным кажется, почему Тургенев не вручил кольца Льву Толстому. Нам известно, что при жизни оба они не особенно любили друг друга и не раз тяжело и мучительно для обоих сталкивались. Но мы также знаем, что в одном из своих последних, предсмертных писем Тургенев в горячих, до сих пор незабываемых и глубоко волнующих словах отдал честь и уважение «великому писателю земли русской». Из этого можно заключить, что только потому он, умирая, не передал талисмана Толстому, что у него самого кольца в то время не

было, и слух о том, что кольцо осталось у m-те Виардо в Буживале, нам уже не кажется простой сплетней. А о нежной легенде Тургенев уже знал.

С тех пор кольцо точно куда-то закатилось, в какую-то темную щель. А легенда не только не умирает, но с каждым годом становится все чище, все очаровательнее. И вот только на днях реликвия опять всплыла из забвения наружу в ее уже несомненной материальной ясности. По опубликованному ныне духовному завещанию поэта К. Р., которому не особенно плохие стихи не мешали быть в то же время прекрасным и достойным человеком, – пушкинское кольцо вместе со многими ценными документами и редкими рукописями препровождено на вечное хранение в Дом Пушкина, под присмотр Академии наук, откуда ему, конечно, уже никогда не выбраться на свет божий. И теперь не только не интересно гадать, кому бы отдал кольцо Толстой, но даже не хочется интересоваться: был ли это железный гладкий обруч, или бирюза с золотой надписью из Корана, или старинный изумруд вырезной в виде инталъе. Покойся с миром, бесценное сокровище, в своей запечатленной усыпальнице!

А как было бы сказочно прекрасно, если бы оно продолжало свое дальнейшее волшебное странствование. Пусть о русском писателе, особенно современном, бог знает что болтает развязная критика и досужая обывательская сплетня. Пусть даже есть частица горькой правды в рассказах об их неуравновешенной жизни, об их личной зависти и ссорах,

об их подчеркнутом стремлении к гонорарным интересам и т. д., но мы непоколебимо чувствуем, что в душе каждого одаренного художника слова живет и глубокое уважение к искусству, и бескорыстное признание чужого таланта. И какой бы это был пример – чуть ли не единственный в истории мировой литературы! – эта Вольная академия справедливости, скромности, теплой любви к своему призванию и своему труду.

А ведь русская литература – как бы ни уродовали, ни терзали и ни оскопляли ее известные обстоятельства – всегда была подвижнической... Она убедительно показывала, как живуч, силен и плодороден оплеванный народ, который мог на своем черноземе взрастить Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Тургенева, Толстого, Гаршина, Чехова, Короленко, Горького, Бунина.

Ах, разве пламенный, вечно мятущийся Горький – такой несправедливый к мужику, – разве не в народе почерпнул он свой меткий и крепкий язык?

И мысль о Вольной академии все же таки не кажется нам несбыточной. Ведь существует же до сих пор в Париже очень оригинальная Вольная академия имени братьев Гонкур, основанная на их же средства. Раз в год собираются несколько давно признанных писателей на интимно-скромный обед в память братьев Гонкур, во время которого непринужденно и любовно намечают имена тех молодых писателей, которые за последнее время обратили на себя внимание не газет-

ной или общественной шумихой, а художественной чистотой и красотой своих произведений. Членами Гонкуровской академии были и Доде, и Мопассан, и наш Тургенев. Затем голосуют выбор избранника и по-товарищески вручают ему несколько тысяч франков. (Приблизительно то же, хотя и в чересчур русских рамках, знают наши художники кисти.) От такого дара никогда не откажется даже самый гордый человек. Согласитесь, что ведь это не подачка из рук неведомого и часто невежественного покровителя искусств, подобная тем пирогам, которые купеческие вдовы в сорокоуст раздают нищим.

А пора, давно пора русскому писателю перестать быть прихлебателем и попрошайкой. Так же как давно пора перестать думать ему, что он малое дитя, нуждающееся в попечении дядек и мамок или в исправительном заведении для малолетних преступников, и непременно кончать жизнь под забором или в сумасшедшем доме.

Начните уважать себя, и вас начнут уважать вдвое! Приглядитесь, нас уже начинают ценить и любить за границей. И это не только из вежливости во время войны в союзных державах. Оглянитесь: вокруг вас буйно поднимается молодая поросль писателей! Щадя их скромность, остерегаюсь назвать их имена. Впрочем, читатель и сам знает и ценит этих писателей. Выплывает целая плеяда новых людей, страстных, искренних, с гибким и точным языком, с широкой образностью, с глубоким знанием так неудачно похороненного,

недавно воскресшего быта.

Пусть меж ними нет еще пока ни Толстого, ни Достоевского, но ведь зато никогда еще и не было тех великих и страшных событий, какие мы за последние пятнадцать лет переживаем, событий, заменяющих собою все. А мне хочется думать, и я верю, что где-нибудь, в мерзлом окопе или в развалившейся халупе, сидит он, никому еще не ведомый, еще не чующий своего великого призвания, но уже бессознательно впивает своими широко открытыми глазами и умным послушным мозгом все слова, звуки, запахи, впечатления... А может быть, все, о чем я сейчас грежу, несбыточно? Потому что проходит ладожский лед, набухают почки, скоро прилетят скворцы. Настанет милая северная весна... Близко пасха... А в эту пору все мы, русские, невольно размякаем и становимся чувствительны и мечтательны. И, как всегда, готовы ждать чуда...